

- Ivnev R. *Solntse vo grobe* [The Sun in the Coffin]. М., 1921 (bez paginatsii).
Poplavskii B. *Sobranie sochinenii: V 3-h tt* [Collected Works: in 3 Vols]. Т. 1. Stikhotvoreniya [Vol. 1. Poems]. М., 2009.
Poety-imazhinisty [The Poets-Imaginists]. SPb., 1997.

ТРИУМФ ВОЛЬКИ: СТАЛИН И ЕГО ЭПОХА В СКАЗКЕ Л. ЛАГИНА «СТАРИК ХОТТАБЫЧ»

А.И. Куляпин

Ключевые слова: детская литература, контекст, Сталин, культ личности, репрессии.

Keywords: children's literature, context, Stalin, personality cult, repression.

DOI 10.14258/filichel(2018)4-11

Сказка «Старик Хоттабыч» изначально задумывалась и создавалась, если воспользоваться терминологией У. Эко, как «открытое произведение». Упомянутая в авторском предисловии к изданию 1953 года «Сказка о рыбаке» из «Тысячи и одной ночи» (Лагин, 1953, с. 3)¹ – далеко не единственный источник Л. Лагина. В тексте много отсылок как к русским классикам и современникам (Пушкин, Гоголь, М. Зощенко, Ю. Олеша, Л. Кассиль и др.), так и к зарубежной литературе. В связи с «Медным кувшином» (1900) Ф. Энсти некоторые исследователи говорят чуть ли не о плагиате: «Лагин позаимствовал у Энсти не только основную идею, но и целые сцены, хотя, конечно, изменил время и место действия – теперь это Советский Союз тридцатых годов» [Хеллман, 2016, с. 390]. Тем не менее идейная ангажированность автора вынуждает читателя в первую очередь учитывать не литературный, а политический контекст.

Впервые сказка была опубликована в журнале «Пионер» в 1938 году (№ 10-12). А незадолго до этого «в мартовском номере журнала “Пионер” за 1938 год была напечатана передовица под названием “Приговор народа”. Таких материалов в тогдашней прессе было множество: только что закончился Третий московский процесс. Дети,

¹ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на текст Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.–Л., 1953.

как и взрослые, должны были разделить весь ужас произошедшего» [Глущенко, 2015, с. 126]. Таким образом, «волшебный старик» оказался «вписан именно в ту повседневность и столкнулся именно с теми сюжетами и обстоятельствами, в которых жили и взрослые, и дети того времени» [Глущенко, 2015, с. 133].

Хоттабыч безнадежно архаичен, несколько тысячелетий заточения в глиняном сосуде не прошли даром. Он абсолютно беспомощен в стране осуществившейся утопии. И лишь сталинскую политику массовых репрессий старый джинн мог бы понять и полностью одобрить, ведь сам он так же, как органы ОГПУ–НКВД, весьма склонен к чрезмерному, а зачастую и слабо мотивированному применению насилия. В этом отношении советский строй мало чем отличается от восточных деспотий [Wittfogel, 1957].

Хоттабыч рвется испепелить (превратить в жаб, воробьев или собак, продать в рабство и т.п.) учителей, официанток, милиционеров – словом, всех, кто, по его мнению, недостаточно почтителен по отношению к его юному повелителю. «– *Я должен наказать их, о Волька, – негодует Хоттабыч. – Порок должен быть наказан.*» «– *Не за что наказывать! Слышишь!*» – останавливает несправедливый гнев джинна Волька Костыльков (Лагин, 1953, с. 40). Лишь изредка, и чаще всего тайком от Вольки, Хоттабычу удается «репрессировать» того или иного «злодея».

В сказочном мире Лазаря Лагина зеркально отразились реалии советской действительности. В 1937–1938 годах среди интеллигенции широко бытовало мнение о непричастности Сталина к массовым репрессиям. Вождь якобы не знал о злодеяниях чекистов. Так и Волька не знает о том, что Хоттабыч «выслал» Женю Богорада в Индию, а узнав требует устранить несправедливость:

«– *Какой ужас! – Волька обеими руками схватился за голову. – Хоттабыч, ты понимаешь, что ты наделал?*

– *Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб всегда понимает, что он творит!*

– *Нечего сказать, понимаешь! Одних хороших людей непонятно почему собираешься превращать в воробьев, других продаешь в рабство! Нужно немедленно вернуть сюда Женю!*» (Лагин, 1953, с. 55).

Хоттабыч и Волька – каждый на свой лад – пытаются перевоспитать друг друга. Влияние чародея с Востока на юного пионера могло бы стать пагубным, но Волька, к счастью, – это уже вполне сформировавшийся советский человек, глубоко впитавший заповеди морального кодекса строителя социализма. Хоттабыч, в нарушение второй заповеди Моисея, гласящей «Не сотвори себе кумира» (Исход,

20, 4), создает настоящий культ личности Вольки Костылькова, которому тот по мере сил противится. Правда, иной раз случаются сбои, и на Вольку накатывают приступы мегаломании. В одной из сцен, «изнывая от чувства собственного бессилия», Волька кричит окружающей его толпе: «– *Я самый выдающийся отрок этого города! <...> Вы недостойны целовать мои пятки!.. Я красавец!.. Я ум-ни-ца!..*» (Лагин, 1953, с. 76). Волька в этом эпизоде неприятно поражен тем, что он больше «не волен над своей речью» (Лагин, 1953, с. 76). Герой испытывает характерную для обитателя тоталитарного мира раздвоенность. В те мгновения, когда ему удастся вернуть контроль над собой, он произносит совсем другие слова: «– *Товарищи!.. Граждане!.. Голубчики!.. Вы не слушайте... Разве это я говорю? Это вот он, старик, заставляет меня так говорить...*» (Лагин, 1953, с. 76). Однако секунду спустя следует новая порция самовосхвалений.

А.Х. Омраан отметил типичность этой ситуации для культуры тридцатых годов, связав ее с психологическими комплексами самого автора сказки: «Во всех редакциях повести советский пионер, в имени которого откликается слово “воля”, призванный опекать и перевоспитывать старого джинна, становится послушным статистом в эпизодах, где он “не был волен над своей речью”. Это распределение ролей между могущественным сыном царя “злых духов” и человеком, рожденным “новым миром”, остающееся неизменным на протяжении всей истории текста повести “Старик Хоттабыч”, весьма красноречиво.

Драматизм положения человека, под давлением обстоятельств теряющего свободу над своей речью, несомненно, переживал и сам Л. Лагин, вновь и вновь перерабатывая повесть, первоначально созданную в период его пребывания на острове Шпицберген, куда его как сотрудника журнала “Крокодил” А. Фадеев отправил в командировку, чтобы спасти от ареста» [Омраан, 2012, с. 14–15].

Согласно официальной версии обожествление Сталина произошло вопреки его воле. Более того, подчеркивается, что Сталин, «в противоположность другим стоящим у власти лицам, исключительно скромен» [Фейхтвангер, 1937, с. 50]. В беседе с Л. Фейхтвангером в Кремле (8 января 1937 года) Сталин рассказал о своем желании прекратить те «формы проявления восторга», которые, «смущают» его заграничных друзей:

«Я пытался несколько раз это сделать. Но ничего не получается. Говоришь им: нехорошо, не годится это. Люди думают, что это я говорю из ложной скромности.

Хотели по поводу моего 55-летия поднять празднование. Я провел через ЦК ВКП(б) запрещение этого. Стали поступать жалобы,

что я мешаю им праздновать, выразить свои чувства, что дело не во мне. Другие говорили, что я ломаюсь. Как воспретить эти проявления восторгов? Силой нельзя. Есть свобода выражения мнений. Можно просить по-дружески.

Это проявление известной некультурности. Со временем это надоест. Трудно помешать выражать свою радость. Жалко принимать строгие меры против рабочих и крестьян» [Максименков, 2004, с. 258–259].

Борьбу с культом личности Сталин вел не слишком настойчиво. О безоговорочной капитуляции вождя в этой борьбе красноречиво свидетельствуют величавые титулы, присвоенные ему современниками. Среди них: «Корифей всех наук. <...> Гений человечества. Величайший гений всех времен и народов. Лучший друг советских физкультурников» и т.п. [Борев, 1991, с. 17].

Хоттабыч награждает Вольку не менее пышными званиями. Дворцы, подаренные пионеру, он украшает в соответствии со стилем сталинской эпохи: *«Хоттабыч <...> указал мальчику на полированные золотые доски, украшавшие сверху входы во дворцы. На каждой из них были высечены одни и те же надписи, от которых Вольку сразу бросило в жар и в холод: “Дворцы эти принадлежат благороднейшему и славнейшему из отроков этого города, красавцу из красавцев, умнейшему из умных, преисполненному неисчислимым достоинств и совершенств, непоборимому и непревзойденному знатоку географии и прочих наук, первейшему из ныряльщиков искуснейшему из пловцов и волейболистов, непобедимому чемпиону комнатного бильярда и пинг-понга — царственному юному пионеру Вольке ибн Алеше, да славится во веки веков имя его и имя его счастливых родителей”»* (Лагин, 1953, с. 69–70).

Волька, оставленный на переэкзаменовку по географии, именуется «непоборимым и непревзойденным знатоком географии и прочих наук». Это можно было бы считать за пародийный выпад в адрес недоучившегося семинариста, ставшего «корифеем всех наук». Однако Л. Лагин, похоже, всерьез поверил в намерение большевистской верхушки бороться с проявлениями культа, как поверил в это Л. Фейхтвангер, завершивший главу «Демократия и диктатура» ссылкой на постановления партийных комитетов Москвы и Ленинграда, «строго осуждающие “фальшивую практику ненужных и бессмысленных восхвалений партийных руководителей”», и со страниц газет исчезли чересчур восторженные приветственные телеграммы» [Фейхтвангер, 1937, с. 52].

Едва ли не самый известный документ, как будто бы доказывающий негативное отношение Сталина к культу личности – его письмо в «Детгиз» (февраль 1938 года) по поводу книжки В.В. Смирновой:

«Я решительно против издания “Рассказов о детстве Сталина”.

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, “добросовестные” брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. <...>

Советую сжечь книжку» [Поспелов, 1953, с. 21].

Письмо Сталина, хоть и не предназначавшееся для публикации, получило широкую огласку среди литераторов. Поразительнее всего, что на этот раз волю Хозяина дружно проигнорировали: поток возвеличивающих Сталина произведений ничуть не обмелел. По точному наблюдению Я. Плампера, «притворная скромность» Сталина «служила модели “нескромной скромности”» [Плампер, 2010, с. 190].

Чрезмерная резкость суждения вождя – не просто запретить, но сжечь книгу В.В. Смирновой – заставляет заподозрить неладное: так ли однозначна его позиция, таковы ли его истинные намерения? Ожидать, что приказ, отданный в столь экстравагантной форме, будет исполнен, наивно. Уже в 1939 году понадобился целый библиографический указатель «Детям о Сталине», составленный К.П. Кипарисовой.

Эталонным на раннем этапе формирования сталинианы стал очерк Беньямина Ивантера «На родине Сталина», опубликованный в журнале «Пионер» в начале 1938 года. Главный редактор «Пионера» «дал пример другим писателям, как трактовать <...> сложную тему» детства Сталина: «Молодому читателю становится ясно, что Сталин был избран судьбой с самых ранних лет» [Хеллман, 2006].

Один из полуофициальных титулов Сталина, считавшегося главным специалистом партии по национальному вопросу, – «освободитель народов». Еще в статьях 1918–1919 годов он призывал «Не забывайте Востока» и поставил перед большевиками задачу «разбить вековую спячку угнетенных народов Востока» и «поставить

социалистический маяк, <...> освещающий путь к освобождению измученных народов Востока» [Сталин, 1947, с. 172, 239].

Избранность Вольки явлена уже в том, что именно ему дано спасти из многотысячелетнего *«страшного заточения»* (Лагин, 1953, с. 12) Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, воплотившего в себе все могущество и всю беспомощность мистического Востока. В издании 1938 года Владимира Костылькова часто называют «Воля». Имя это действительно очень подходит герою-освободителю. Впрочем, другое значение слова «воля» – способность человека преодолевать любые препятствия для достижения собственных целей – Л. Лагин тоже учитывает. Симптоматично, что в последующих публикациях сказки вариант имени «Воля» используется гораздо реже, редуцируясь до «Вольки».

Во время арктического путешествия на ледоколе Волька фантазирует: *«Вмиг перед ним вырисовалась увлекательнейшая картина: корабль терпит бедствие, запасы пресной воды и продовольствия иссякают, но все экскурсанты и команда “Ладогои” держат себя мужественно и спокойно, как и надлежит советским людям. Но лучше всех ведет себя, конечно он – Волька Костыльков. О, Владимир Костыльков умеет смотреть в глаза опасности! Он всегда весел, он всегда внешне беззаботен, он подбадривает унывающих. А когда от нечеловеческого напряжения и лишений заболевает капитан “Ладогои” – Степан Тимофеевич, он, Волька, по праву берет руководство экспедицией в свои стальные руки...»* (Лагин, 1953, с. 211). Разумеется, эту мечту Волька легко мог бы осуществить с помощью Хоттабыча, но ведь «по праву» взять «в свои стальные руки» управление, сменив уставшего от «нечеловеческого напряжения» прежнего лидера, – это по сути значит занять место «Великого Кормчего», как любили именовать Сталина, начиная с середины 1930-х годов. На одном из самых известных плакатов той эпохи «Капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе!» (1933) Б. Ефимова Сталин изображен как раз за штурвалом корабля. Волька, в конце концов, оказался таким же «нескромным скромником», как Сталин. Уровень его претензий в данном случае таков, что автор не решился развивать сюжет в этом направлении.

Литература

Борев Ю. Сталиниада. Рига, 1991.

Глушенко И.В. Путешествия через пространство и время в книге Л. Лагина «Старик Хоттабыч» // Детские чтения. 2015. № 8.

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть I // Вопросы литературы. 2004. № 2.

Омраан А.Х. Аксиологические модели авторских сказок в русской литературе конца 1930 – 1950-х гг. (Л. Лагин, А. Волков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.

Поспелов П.Н. Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза // Вопросы истории. 1953. № 11.

Сталин И.В. Сочинения: В 13-и тт. М., 1947. Т. 4. Ноябрь 1917–1920.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.

Хеллман Б. Великий друг детей: Образ Сталина в советской детской литературе // История и повествование. М., 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.su/read/364674-istoriya-i-povestvovanie.html>.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. М., 2016.

Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. London, 1957.

Список источников

Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.–Л., 1953.

References

Borev Ju. *Staliniada* [Staliniada]. Riga, 1991.

Glushhenko I.V. *Puteshestviya cherez prostranstvo i vremya v knige L. Lagina «Starik Hottabych»* [Travel Through Space and Time in the Book by L. Lagin *Old Man Khottabych*]. *Detskie chteniya* [Children's Reading]. 2015. No. 8.

Maksimencov L. *Ocherki nomenklaturnoj istorii sovetskoj literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Fejhtvanger i drugie). Chast' I* [Essays on the Nomenclature History of Soviet Literature. Western Pilgrims in the Stalinist Throne (Feuchtwanger and others). Pt. I]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2004. No. 2.

Omraan A.H. *Aksiologicheskie modeli avtorskih skazok v russkoj literature konca 1930 – 1950-h gg. (L. Lagin, A. Volkov)* [Axiological Models of Author's Fairy Tales in the Russian Literature of the late 1930 – 1950's. (L. Lagin, A. Volkov)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Voronezh, 2012.

Plamper Ja. *Alhimija vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of Power. The Cult of Stalin in the Visual Arts]. М., 2010.

Pospelov P.N. *Pjat'desjat let Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [Fifty Years of the Communist Party of the Soviet Union]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1953. No. 11.

Stalin I.V. *Sochinenija: v 13-i tt. T. 4. Nojabr' 1917–1920* [Compositions: in 13 vols. Vol. 4. November 1917–1920]. М., 1947.

Fejhtvanger L. *Moskva 1937. Otchet o poezdke dlja moih druzej* [Moscow 1937. Report on the Trip for my Friends]. М., 1937.

Hellman B. *Velikij drug detej: Obraz Stalina v sovetskoj detskoj literature* [The Great Friend of Children: The Image of Stalin in Soviet Children's Literature]. *Istorija i*

povestvovanie [History and Narration]. М., 2006. URL: <http://e-libra.su/read/364674-istoriya-i-povestvovanie.html>.

Hellman B. *Skazka i byl': Istorija russkoj detskoj literatury* [Fairy Tale and True story: History of Russian Children's Literature]. М., 2016.

Wittfogel K.A. *Oriental despotism: A Comparative Study of Total Power*. London, 1957.

List of sources

Lagin L. *Starik Hottabych* [Old Man Khottabych]. М.–Л., 1953.

СУБЪЕКТНОСТЬ И КОНТАКТНОСТЬ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ РОБЕРТА КРИЛИ

Л.А. Разгулина

Ключевые слова: американская поэзия, Роберт Крили, субъектность, контактность, общее место.

Keywords: American poetry, Robert Creeley, subjectivity, contact, common place.

DOI 10.14258/filichel(2018)4-12

Роберт Крили (1926-2005) – американский поэт и прозаик, один из самых ярких и динамичных представителей неоавангарда второй половины XX века. Теснее всего его имя ассоциируется с т.н. Школой Черной горы, хотя некоторые критики, к примеру, Мэрджори Перлофф¹, не склонны причислять его к какой-либо школе. На 1950-е годы пришелся ранний, очень продуктивный период в творчестве Крили, его знакомство и дружба с поэтом и теоретиком Чарльзом Олсоном и активное взаимодействие с поэтическим сообществом Черной горы – в недрах экспериментального колледжа, носившего то же название. То и другое обстоятельство небезразлично для нашего исследования, так как на материале раннего сборника «For Love» (1962) нам предстоит рассмотреть тематику и проблематику коммуникации в творчестве Крили, точнее – интерсубъект(ив)ные

¹ См. например: Perloff M. The Radical Poetics of Robert Creeley. [Электронный ресурс]. URL: <http://marjorieperloff.com/essays/creeley-radical/>.